

Командировка в атомное пекло

Апрель 1996 года. К десятилетию со дня взрыва на четвертом энергоблоке Чернобыльская атомная электростанция приобрела статус самого посещаемого объекта атомной энергетики в мире. Едва ли не каждую неделю в тот год ЧАЭС навевывала та или иная делегация политиков, общественных деятелей, различных контролирующих организаций. Не говоря уже о представителях СМИ со всех точек земного шара. В одну из групп попали и журналисты

«Гомельской праўды». Предлагаем читателям ретроспективный репортаж с посещения ЧАЭС.

ГЛАСНОСТЬ И ЕЩЕ РАЗ ГЛАСНОСТЬ

Любая малейшая неполадка на ЧАЭС после печально известной аварии в апреле 1986-го стала восприниматься многими как реальная угроза нового Чернобыля. За прошедшие 10 лет раз восемь принимались и отменялись решения о закрытии Чернобыльской АЭС. Так, общественность не на шутку напугал произошедший в октябре 1991 года пожар в машинном зале 2-го энергоблока из-за возгорания турбогенератора. И хотя это событие даже не классифицировалось по шкале безопасности, так как ситуация не была связана с реактором, но коль оно произошло именно на Чернобыльской АЭС, энергоблок был остановлен. На момент нашего приезда он так и не заработал, подвергаясь периодическим инспекционным проверкам.

Чтобы снять социальное напряжение, царившее вокруг объекта, руководство ЧАЭС взяло на вооружение принцип максимальной открытости станции для посещений. Оформление разрешения на приезд, да и сама дорога заняли считаное время. Минут двадцать простояли на КПП «Парышев», пока украинские милиционеры проверяли наши документы, созванивались с ЧАЭС для проезда на ее территорию. Здесь же получили дополнительный пропуск. Через несколько

километров, на финишной прямой к АЭС, был еще один контрольно-пропускной пункт - «Лелев». До АЭС оставалось минут пять езды. И если на первом КПП редакционный электронный дозиметр фиксировал обычный гамма-фон (17-19 микрорентген в час), то здесь уже «заволновался» - 50-80 мкР/ч.

Над входом в административный корпус ЧАЭС электронное табло наряду с датой, температурой воздуха показывало и гаммафон - 75-80 мкР/ч. Тут же на автостоянке сотрудник службы безопасности станции проинструктировал фотокорреспондента нашей газеты Николая Бельковича о нюансах съемки на объекте - исключить фотовидео-фиксацию элементов охраны.

В программе посещения были пресс-конференция и короткая экскурсия на действующий 1-й энергоблок, затем к объекту «Укрытие», или бетонному саркофагу, которым изолировали взорвавшийся реактор.

КАКИЕ ОТВЕТЫ УСЛЫШАЛИ

На пресс-конференции в числе собеседников советник главного инженера по вопросам радиационной безопасности Владимир Чугунов, личность, прямо скажем, легендарная. Во время ликвидации аварии в 1986 году Владимир Александрович, будучи начальником реакторного цеха № 1, получил дозу облучения, равную 400 бэр и сопутствующий диагноз «острая лучевая болезнь». Однако остался жив и продолжил работать на АЭС (*Владимир Чугунов умер в июле 2008 года в возрасте 66 лет, продолжая до самой смерти трудиться на ЧАЭС, - прим, автора*).

О статусе ЧАЭС. Чернобыльская - самая старая из пяти действующих на Украине атомных электростанций и единственная с реакторами типа РБМК. К моменту аварии построены были уже четыре, и не будь событий апреля 1986 года, к концу его заработал бы и пятый энергоблок. На время проектирования ЧАЭС была самой крупной по мощности в

мире. До аварии эта станция, а также расположенный в трех километрах от нее город Припять, где проживал персонал ЧАЭС, считались лучшими в бывшем СССР.

Безопасность на втором плане. На первое ставили выработку электроэнергии. Сейчас подход к эксплуатации АЭС диаметрально изменился, урок из прошлого извлечен: на первое место вышла, прежде всего, безопасность объекта. По статистике МАГАТЭ Чернобыльская атомная электростанция по итогам 1995 года признана самой безопасной на Украине, а ее первый энергоблок вообще вошел в двадцатку самых безопасных блоков в мире. Работают сегодня два энергоблока: № 1 и 3 общей мощностью 1800 МВт.

О бывших кадрах и сегодняшних. На апрель 1996 года на ЧАЭС ежедневно работали около 5 тысяч человек персонала, проживающего в новом городе атомщиков - Славутиче. От него до станции уже не три, как было с Припятью, а 54 километра. Численность специалистов, которые трудились на ЧАЭС до аварии, от общего количества составляет около 10 процентов. Связано это с тем, что после эвакуации из Припяти в течение ближайших лет персонал взамен утраченного жилья получил новое в Киеве, продолжая работать на АЭС. А в 1988 году, когда была построена основная часть Славутича,

Кабинет Министров Украины поставил жесткое условие: кто хочет работать на станции, должен переехать жить в Славутич. Переехали далеко не все.

Сколько будет еще работать станция? Проектный ресурс оборудования каждого энергоблока ЧАЭС - 30 лет. 1-й энергоблок выработан на 60 процентов, 2-й и 3-й - немногим более чем на 40. Эксплуатироваться они могут до 2011 года. В мире пока нет опыта по выведению атомных станций из эксплуатации, уж слишком молодая отрасль - ядерная энергетика. Нет на эти цели и средств в бюджете Украины. Президент страны заявил о согласии взаимодействовать о выводе АЭС из строя с Европейским сообществом (последний работающий реактор Чернобыльской АЭС (№ 3) официально был остановлен 15 декабря

2000 года приказом Президента Украины Леонида Кучмы - прим, автора).

Безопасность объекта «Укрытие» и его дальнейшая судьба. Хотя в течение 10 лет за «Укрытием» ведутся постоянные наблюдения, какие-либо видимые изменения не обнаружены. Выбросы от саркофага составляют в среднем менее 5 процентов от выбросов действующего блока АЭС. Пока не видно и влияния объекта «Укрытие» на грунтовые воды. Европейским сообществом ведется разработка технического задания на проектирование «Укрытия-2». Затраты на строительство оценены в 1,8 миллиарда долларов. Перспективы быстрого появления таких денег весьма туманны. Пока ведутся работы по поддержанию существующего «Укрытия» в нормальном состоянии (*объект «Укрытие-2» был сдан в эксплуатацию в мае 2018 года, то есть спустя 22 года после нашей поездки на ЧАЭС. Для сравнения: бетонный саркофаг смонтировали в беспрецедентно короткие сроки: с июля по ноябрь 1986 года - прим, автора*).

У РЕАКТОРА ДЕЙСТВУЮЩЕГО И РАЗРУШЕННОГО

Облачившись в чистенькие накрахмаленные белые халаты и шапочки, надев на ноги специальные бахилы из пластика, предохраняющие от излишнего облучения, наша журналистская группа шаркающей походкой (бахилы не дают возможности идти бесшумно) перемещается по закрытой галерее из административного здания в блочный щит управления 1-м энергоблоком. За огромным дугообразным пультом - люди в таких же белоснежных халатах. Это смена блока, ведущая оперативное управление реактором и контроль за его параметрами. Их здесь всего шесть человек.

Свобода передвижения нисколько не ограничивается, как и возможность задать любой вопрос кому-нибудь из персонала. Единственное, о чем просят, - это не трогать кнопки на пульте, чтобы не мешать работе.

Спрашиваем о причинах аварии на четвертом энергоблоке и человеческом факторе у начальника смены станции А. Б. Шацмана. По его мнению, вины персонала в случившемся не было. К аварии привели

ошибки в проекте реактора типа РБМК. Нынешние параметры реактора и нынешняя его загрузка исключают ситуацию 10-летней давности. Кроме того, изменены логика аварийной защиты по физическим характеристикам и ее быстродействие. Сейчас она в течение двух секунд приводит реактор в подкритическое состояние и надежно его там удерживает. Реактор в восемь раз быстрее останавливается.

Следующий объект осмотра - центральный щит контроля радиационной безопасности. Это помещение до предела напичкано электроникой. Именно отсюда ведется мониторинг радиационной обстановки не только на станции, а и на прилегающей к ней 30-километровой зоне, в том числе и белорусской. До аварии подобной системы не существовало.

Машинный зал 1-го энергоблока журналисты прошли довольно быстро, не задерживаясь. Возможно потому, что дозиметр в нем бодро отщелкивал 250-270 мкР/ч. Пол здесь из небольших бетонных плит, каждая весом от 16 тонн и выше.

На выходе из энергоблока обязательная проверка на радиоактивность в специальной камере. У всех прибор показывает одно: чисто.

До принесшего столько горя реактора от центрального входа на АЭС несколько минут езды на специальном микроавтобусе. О том, что он вот-вот появится, тревожно «намекает» дозиметр, все чаще щелкая и потрескивая.

В 200 метрах от заключенных в бетонный колпак синеватого цвета развалин реактора автобус на шесть минут останавливается. На дозиметре уже более 200 мкР/ч (для сравнения: возле гомельского железнодорожного вокзала - 17 мкР/ч). Каждый шаг с этого места в сторону саркофага даже по толстому слою асфальта на табло дозиметра высвечивается новой сотней микро-рентген в час: 300, 400... Посозерцав мрачное сооружение, садимся в автобус и едем обратно к административному зданию. С каждым десятком метров, отдаляясь от разрушенного реактора, дозиметр все «спокойнее».

Сфотографировавшись на память у входа на ЧАЭС, едем домой. На первом к станции КПП патрульный даже не вышел из

дежурки и только помахал нам рукой. Шоссе пустынно. На втором КПП остановка - на этот раз проверка машины на радиоактивность. Все нормально.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Годы спустя, по воле журналистской судьбы оказавшись на еще двух атомных электростанциях - у российского Десногорска и белорусского Островца, я, конечно же, вспоминал ту апрельскую командировку в 1996-м и делал сравнения. Контраст просто разительный. Прежде всего в том, насколько изменились подходы к обеспечению безопасности работы с мирным атомом. Чернобыльские события красноречиво показали, насколько разрушительными могут быть как технические ошибки, так и недооценка их последствий, когда технологическая гордость превращается в атомное пекло. И выводы из случившегося сделаны колоссальные, позволяющие спокойно шагать и развиваться в новой атомной реальности - безопасной и эффективной.

Вячеслав МИНКОВ